

Золотой Компас

Книги ФИЛИПА ПУЛМАНА

Цикл «Темные начала»:

«Северное сияние»

«Чудесный нож»

«Янтарный телескоп»

«Лира Белаква»

*

Цикл «Таинственные расследования Салли Локхарт»:

«Рубин во мгле»

«Тень “Полярной звезды”»

«Тигр в колодце»

*

Цикл «Книга пыли»:

«Прекрасная дикарка»

*

«Сказки братьев Гримм»

*

«Голоса демонов»

Филип
Пулман

Северное
сияние

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
П88

Philip Pullman
HIS DARK MATERIALS 1. NORTHERN LIGHTS

Печатается с разрешения автора
при содействии литературных агентств
А. Р. Watt at United Agents и Synopsis.

Перевод с английского *Виктора Гольшева*

Дизайн макета *Андрея Фереца*

Художественное оформление:
Серия «Золотой компас»: *Андрей Ферец*
Серия «Темные начала»: *Василий Половцев*

Иллюстрации в тексте *Филипа Пулмана*

Пулман, Филип.

П88 Северное сияние: [роман] / Филип Пулман; пер. с англ.
В. Гольшева. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-17-092893-4 (Золотой компас)

ISBN 978-5-17-120761-8 (Темные начала (сериал))

Двенадцатилетняя сирота Лира Белаква вместе со своим демоном Пантелеймоном живет в Оксфорде. Ее дядя – могущественный лорд Азриэл – приезжает в колледж для того, чтобы организовать экспедицию на Север. Цель его поездки – выяснить происхождение загадочной «пыли», которую можно увидеть на фотографиях, снятых в этих местах. Вскоре после отъезда дяди таинственные «жрецы» похищают друга Лире, мальчика-слугу. Ходят жуткие легенды о том, что они забирают детей на далекий Север. Девочка отправляется на поиски своего друга, и в этом путешествии ей открываются тайны о собственной семье и о судьбе, которая ждет ее на морозных землях...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44**

ISBN 978-5-17-092893-4 (Золотой компас)

ISBN 978-5-17-120761-8 (Темные начала (сериал))

© 1995 by Philip Pullman.

© В. Гольшев, перевод на русский язык, 2005

© ООО «Издательство АСТ», 2019

На краю
Пучины дикой, — зыбки, а быть может —
Могилы Мироздания, где огня
И воздуха, материков, морей
В помине даже нет, но все они
В правешестве зачаточно кишат,
Смесившись и воюя меж собой.
Пока Творец Всевластный не велит
Им новые миры образовать;
У этой бездны осторожный Враг,
С порога Ада созерцая даль,
Обмысливал свой предстоящий путь...

Джон Мильтон, «Потерянный Рай», кн. II
(Пер. Арк. Штейнберга)

ч а с т ь

1

Оксфорд

Глава первая

ГРАФИН ТОКАЯ

Лира со своим деймоном тихо двигались по полутемному Залу, держась поближе к стене, чтобы их не увидели из Кухни. Три больших стола, тянувшиеся по всей длине Зала, были уже накрыты, серебро и хрусталь на них поблескивали в сумерках; длинные скамьи ждали гостей. На стенах, теряясь в тени, висели портреты бывших Магистров. Лира подошла к помосту, оглянулась на открытую кухонную дверь и, никого не увидев за ней, поднялась на помост к верхнему столу. Здесь приборы были золотые, а не серебряные, и вместо дубовых скамеек стояли четырнадцать стульев красного дерева с бархатными подушками. Лира подошла к креслу Магистра и щелкнула по бокалу ногтем. По Залу разнесся прозрачный звон.

— Ведешь себя легкомысленно, — шепнул ей деймон. — Будь серьезней.

Ее деймона звали Пантелеймон, и сейчас он принял вид мотылька, темно-коричневого, чтобы быть не слишком заметным в сумрачном Зале.

— Там шумно на Кухне, — прошептала в ответ Лира. — А Стюард до первого звонка не появится. Перестань нервничать.

Тем не менее она приложила ладонь к звеневшему еще бокалу, а Пантелеймон порхнул дальше, в приоткрытую дверь Комнаты Отдыха по другую сторону от помоста. Через секунду он вернулся.

— Там никого, — шепнул он. — Но надо спешить.

Пригнувшись за высоким столом, Лира шмыгнула в Комнату Отдыха, выпрямилась там и огляделась. Единственным источником света здесь был камин; на глазах у нее пылающие поленья слегка осели, выбросив в дымоход фонтан искр. Почти всю жизнь она прожила в Колледже, но еще ни разу не видела Комнату Отдыха: сюда допускались только Ученые и их гости, женщины — никогда. Здесь даже служанки не могли убирать — только Дворецкий.

Пантелеймон сел ей на плечо.

— Ну, довольна? Можем идти? — прошептал он.

— Глупости! Я хочу посмотреть!

Это была большая комната с овальным полированным столом, на котором стояли разные графины и бокалы и серебряный курительный прибор с коллекцией трубок. Рядом, на буфете, — жаровня и корзина с корбочками мака.

— Уютно устроились, а, Пан? — шепотом сказала Лира.

Она опустила в зеленое кожаное кресло, оказавшееся таким глубоким, что в нем можно было почти лежать. Лира села, подобрав под себя ноги, и окинула взглядом портреты на стене. Тоже, наверное, старики-Ученые: в мантиях, бородатые и хмурые, они смотрели на нее с неодобрением.

«Как думаешь, о чем они тут разговаривают?» — хотела спросить Лира, но не успела: за дверью послышались голоса.

— За кресло, живо! — шепнул Пантелеймон, и Лира, выскочив из кресла, присела за ним. Укрытие было не из лучших: она предпочла бы кресло в середине комнаты — а здесь стоит только шелохнуться...

Дверь открылась, в комнате стало светлее — кто-то из вошедших принес лампу и поставил на буфет. Лира видела его ноги в темно-зеленых брюках и черных начищенных туфлях. Слуга.

Раздался низкий голос:

— Лорд Азриэл еще не прибыл?

Это был Магистр. Лира, затаив дух, увидела, как деймон слуги (собака, как почти у всех слуг) подбежал к его ногам и уселся, а потом показались и ноги Магистра, как всегда в поношенных черных туфлях.

— Нет, Магистр. И никаких известий из Аэродока.

— Полагаю, он будет голоден. Проводите его прямо в Зал, хорошо?

— Слушаюсь.

— Вы налили для него графин особого токайского?

— Да, Магистр. Урожая тысяча восемьсот девяносто восьмого года, как вы приказали. Его светлость очень любят это вино.

— Хорошо. Теперь можете идти.

— Лампа нужна, Магистр?

— Да, лампу оставьте. Во время обеда не забудьте, пожалуйста, поправлять фитиль.

Дворецкий слегка поклонился и пошел к двери; его деймон послушно затрусил следом. Из своего ненадежного укрытия Лира видела, как Магистр подошел к большому дубовому гардеробу в углу, снял с вешалки мантию и с трудом надел. Магистр был человек могучего сложения, но ему давно перевалило за семьдесят, и все движения его

были медленными и скованными. Деймон Магистра имел облик ворона и, как только мантия была надета, спрыгнул с гардероба и, по обыкновению, уселся на правом плече.

Лира чувствовала, что Пантелеймон вне себя от тревоги. Сама же она ощущала приятное волнение. Гость, упомянутый Магистром, лорд Азриэл, приходился ей дядей, она им восхищалась и очень боялась его. По слухам, он имел касательство к высокой политике, секретным исследованиям, к войне в отдаленных краях и появлялся в колледже всякий раз неожиданно. Он был суров, и, если бы застиг ее здесь, не избежать было бы тяжелого наказания. Но Лиру это не смущало.

И тут она увидела такое, что забыла обо всем.

Магистр достал из кармана сложенную бумажку и положил на стол. Потом вынул из графина с золотистым вином пробку и, расправив бумажку, высыпал из нее в графин белый порошок, после чего бумажку скомкал и выбросил в огонь. Потом вытащил из кармана карандаш, размешал им вино, чтобы полностью растворился порошок, и заткнул графин.

Его деймон тихонько каркнул. Магистр что-то ответил вполголоса и, прежде чем выйти, взглядом из-под нависших бровей обвел комнату. Лира шепнула:

— Ты видел, Пан?

— Конечно, видел! Скорей уходим, пока Стюард не пришел!

Но тут в дальнем конце Зала коротко прозвенел колокольчик.

— Это Стюард! — сказала Лира. — Я думала, у нас больше времени.

Пантелеймон быстро подлетел к двери Зала и сразу вернулся.

— Стюард уже там, — сказал он. — А через другую дверь не выйдешь...

Другая дверь — куда ушел Магистр — вела в оживленный коридор между Библиотекой и Комнатой Отдыха Ученых. Сейчас там было полно людей, они надевали мантии к обеду или спешили в Общую Комнату, оставить свои бумаги и портфели перед тем, как идти в Зал. А Лира намеревалась уйти обратно через Зал, рассчитывая, что у них еще есть несколько минут до звонка.

И если бы она не увидела, как Магистр сыплет в вино порошок, то, может быть, и рискнула бы рассердить Стюарда или незаметно прошмыгнуть по людному коридору. Но она была растеряна и не знала, что делать.

Она услышала тяжелые шаги по помосту. Стюард шел сюда — убедиться, что вино и мак готовы для послеобеденного отдыха Ученых. Лира кинулась к дубовому гардеробу, залезла в него и закрыла дверь как раз в ту секунду, когда вошел Стюард. За Пантелеймона она не опасалась: стены в комнате были темные, и он всегда мог спрятаться под креслом.

Она услышала свистящее дыхание Стюарда и через щелку неплотно прикрытой дверцы увидела, как он поправляет курительные трубки и осматривает графины и бокалы. Потом он пригладил ладонями волосы на висках и что-то сказал своему деймону. Он был слугой, а деймон его — собакой. Но слуга он был высшего разряда, и собака — тоже. Деймон его имел вид рыжего сеттера. Он что-то подозревал и бегал по комнате, словно почуяв непрошеного гостя, но, к большому облегчению Лире, гардеробом не заинтересовался. Лира боялась Стюарда, который ее дважды бил.

Она услышала тихий шепот; видимо, Пантелеймон пролез к ней.

— Теперь придется сидеть здесь. Почему ты меня не слушаешься?

Она не отвечала, пока не ушел Стюард. Его обязанностью было обслуживать верхний стол; она услышала, как входят в Зал Ученые, гул голосов, шарканье ног.

— И хорошо, что не послушалась, — прошептала она в ответ. — Иначе не увидели бы, что Магистр отравил вино. Это ведь токай, про который он спрашивал Дворецкого! Они хотят убить лорда Азриэла!

— Почем ты знаешь, что это яд?

— Конечно, яд. Ты же помнишь, он велел Дворецкому уйти до того, как высыпал? Если бы не яд, он бы сделал это при Дворецком. Я знаю, тут что-то затевается — что-то политическое. Слуги об этом который день говорят. Пан, мы можем предотвратить убийство!

— В жизни не слышал такой чепухи. Как ты высидишь четыре часа в этом душном гардеробе? Дай-ка вылезу, взгляну в коридор. Скажу тебе, когда там будет пусто.

Он вспорхнул с ее плеча и маленькой тенью мелькнул перед освещенной щелкой.

— Напрасно, Пан, я остаюсь, — сказала она. — Тут еще какая-то мантия. Положу ее на пол и устроюсь поудобней. Я должна увидеть, чем они занимаются.

Она осторожно поднялась с корточек и, стараясь не шуметь, пошарила вокруг. Гардероб оказался просторнее, чем она думала. Здесь висело еще несколько мантий, по большей части шелковых, некоторые — оторочены мехом.

— Интересно, это все — Магистра? — прошептала она. — Когда ему дают ученые степени в других местах, наверное, дают и красивые мантии, а он их тут держит и наряжается... Пан, ты правда думаешь, что там не яд?

— Нет, — ответил он. — Я тоже думаю, что яд. И думаю, что это не наше дело. И думаю, что из всех твоих глупостей

это будет самая большая, если ты встрянешь. Нас это не касается.

— Ерунда, — сказала Лира. — Буду сидеть здесь и смотреть, как его отравляют?

— А ты не сиди здесь.

— Ты трус, Пан.

— Конечно, трус. Позволь спросить — ты что задумала? Выскочишь и выхватишь бокал из его дрожащих пальцев? Какой твой план?

— Нет у меня плана, ты прекрасно это знаешь, — тихо огрызнулась она. — Но я видела, что сделал Магистр, и теперь у меня нет выбора. Ты ведь, наверное, слышал про совесть? Могу я сидеть в Библиотеке или еще где и ковырять в носу, зная, что тут творится? Да ни за что, можешь быть уверен.

— Ты с самого начала это задумала, — сказал он, помолчав. — Хотела спрятаться тут и подсматривать. Как же я раньше не догадался?

— Ну, хотела. Все знают, что тут у них какие-то секреты. Какой-то ритуал или еще что. И я хотела узнать.

— Не наше это дело! Хотят секретничать — пусть их, а ты будь выше этого. Прячутся и шпионят только глупые дети.

— Знала, что ты так и скажешь. Хватит занудничать.

Оба замолчали. Лире было неудобно сидеть на жестком полу гардероба, а недовольный ее упрямством Пантелеймон трогал своим временным усиком одну из мантий. Противоречивые мысли теснились в голове у Лире, и больше всего на свете ей хотелось поделиться ими со своим деймоном, но мешала гордость. Ничего, попробует разобраться в них без его помощи.

На первом месте была тревога, и тревожилась она не за себя. В неприятности она попадала часто и привыкла к ним. Сейчас она тревожилась за лорда Азриэла и не по-